

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Л. Рейманкова

Как известно, особенности разговорной речи наиболее ярко выражены в речи диалогической, где сильнее всего действует своеобразный автоматизм и где, помимо языковых средств, используются также жесты и мимика говорящих.

На выбор языковых средств, которые используются при построении диалога, влияют стилиевые факторы, возникающие из условий функционирования диалогической речи [1].

Кроме того, для расположения компонентов внутри реплик характерны разные виды актуализации: вынесение в начало предложения члена с основной коммуникативной нагрузкой, прием добавления и др.

Для систематического описания диалогической речи представляется целесообразным исследование характерных структурных и лексико-структурных черт русского диалога [2, 3, 4, 5, 6]. Именно такой подход применен в нашей работе, причем в качестве исходного материала нами использован сценарий советского фильма «Друг мой, Колька» (авторы А. Хмельник и С. Ермолинский). Все примеры, которые приводятся в работе, взяты из этого сценария.

Помимо лексических и морфологических явлений, русскую диалогическую речь характеризует целый ряд структурных особенностей. Некоторые из них обнаруживаются при рассмотрении частотности отдельных явлений. Можно устанавливать частотность выделенных структур, частотность определенных грамматических форм в роли их компонентов, возможность пропусков некоторых компонентов и т. д. Так, например, для нашего материала характерно большое число нефразовых структур (около 20%). К ним можно отнести прежде всего модальные слова и частицы, которые выступают в роли самостоятельных реплик (около 16%), например: *Ну ладно; Конечно; Еще бы; Да нет; Как же так!; Ну и что же; Что вы?; Чего?; Ну вот* и междометные предложения (около 3%) типа: *А..; Ага; Эх..* и др.

Частотность отдельных типов фразовых структур можно определять, исходя из подразделения структур на ядерные, с одной стороны, и производные, т. е. трансформы, модификаты и структуры двубазисные — с другой.

Для нашего материала характерны следующие данные: ядерные структуры составляют 74,2% общего числа фразовых структур, трансформы и модифи-

каты, включая отрицательные, — 22,5%, двубазисные — 3,12%.

От общего числа ядерных структур двусоставные предложения с простым глагольным сказуемым составляют 75,95%; односоставные безличные глагольные предложения типа *Хватит* — 0,79%; двусоставные предложения с именным сказуемым типа *Он пионер* — 8,6%; односоставные именные предложения типа *Твоя очередь; Что за безобразие* — 9,3%; предложения типа *У меня есть предложение* — 3,6%; односоставные предложения с предикативным наречием типа *Мне сейчас некогда; Нельзя вам с детьми; Можно вопрос?* и т. п. — 2,3%.

Внутри основной ядерной структуры (т. е. внутри двусоставных предложений с простым глагольным сказуемым) распределение по глагольной интонации таково: предложения безобъектные типа *Машина работает* или *Есть такие вещи* — 44,6%; предложения с прямым объектом в роли обязательного определителя типа *Мы решили задачи* или *Знаете, что было в 23-й школе* (с фразовой альтернативой объекта) — 33%; предложения с косвенным объектом типа *Эта тема его касается* — 11%; предложения одновременно с прямым и косвенным объектом типа *Он тебе билетик даст* — 5,7%; предложения с глаголом *быть* в значении *находиться* или *состояться* с адвербиальным определителем типа *Сейчас будет сбор совета* — 5,1%.

Подсчеты трансформов и модификатов показывают на сравнительно высокую частотность отрицательной модификации — 41% их общего числа (например: *Не было никакого общества; Тебе никто слова не давал; Это вам не автобаза*). Несколько ниже по частотности разные виды модальной модификации (с глагольным, адъективным и предикативно-наречным модификатором) — 33,4% (например: *Все могут идти домой; Мы должны беречь каждую минуту; Надо кончать*). Беднее представлены обобщающая — 13% (*Сидишь тут целый день; Тебя из райкома вызывают*) и инфинитивно-безличная трансформы — 9,9% (*Переизбрать!; Тебе бы только коробки собирать!*). Число пассивных трансформов (например: *Сбор был сорван*) и фазовых модификатов (*Ты бы бросил жевать на уроках*) очень низко: около 1% каждая. Безличных трансформов (*Тоже на курорт захотелось?*) в нашем материале также мало. Что же касается состава предложений, то наш материал указывает на большой удельный вес простых предложений (80%) по сравнению со сложными (20%). Среди сложных предложений имеется сравнительно большое число случаев бессоюзного присоединения типа: *Я давно говорил, надо кончать!; Понимаешь, доберусь я до них, я им дам жизни*.

При рассмотрении частотности определенных грамматических форм слов в роли компонентов отдельных структур следует подчеркнуть преобладание

глагольных форм 1-го и 2-го лица настоящего времени и высокий процент императивных форм, что вполне естественно, если учесть особенности диалогической речи.

Подлежащее в диалогической речи чаще всего выражено личным местоимением, однако в 50% случаев подлежащее в наиболее частых структурах не выражено вовсе. Нередко встречается пропуск личного местоимения даже в конструкциях с прошедшим временем: *Что задумался-то? (ты); Еще парты достали (мы); Не слышали? (вы)* и др. Личное местоимение даже при именном сказуемом иногда опускается: *Ничего, не сахарные, не промокнете*. Характерным для русского разговорного языка является пропуск местоимения *это* в роли подлежащего, например: *Не школа, а автобаза какая-то! Неважно; Все?* и т. п. Также пропуск субъекта в дательном падеже обычен в предложениях типа: *Некогда, Витек; Не надо; Как стыдно, Коль*, и др. Возможен также пропуск дополнения, например: *Просто удивляете (меня); Разве они оценят? (это)* и др.

Пропуск глагола — явление более редкое по сравнению с пропуском существительного или местоимения в роли подлежащего. Однако для русской диалогической речи типичны эллиптические предложения с пропуском глаголов движения, например: *Куда?; А мне в рейс!; А я в гараж!; А ну-ка, немедленно по-домаш!* Нередки и пропуски других глаголов в разных речевых клише типа: *Все?; Тихо!; Я с удовольствием; Он больше не будет; Одну минуточку* и др.

Количественный анализ не позволяет охватить все структурные черты диалогической речи, характерные для нее и представляющие большой интерес для исследования. В значительной мере это касается особенностей порядка слов [7, 8, 9, 10]. Так, для непринужденной речи характерен, в частности, прием добавления, заключающийся в дополнительном введении различных элементов в конце высказывания с целью уточнения: *А ты уверен, что они у тебя есть, убеждения?*

Встречается и обратный случай, когда за существительным — подлежащим — повторяется подлежащее в виде местоимения: *Отрядный вожатый, товарищ Руденко... он попросил нас не делать этого*.

Аналогично этому приему любое вынесение актуализируемого члена в начальную позицию, например: *Снегирев... у него же двойка!*

Экспрессивность высказывания, акцентирование некоторых его членов находят свое выражение также в повторении отдельных слов или целых словосочетаний: *Ну, пожалуйста, мы очень, очень просим; А... ужас... какой ужас...*

Диалогической речи свойственно также повторение некоторых служебных слов, прежде всего предлогов и частиц: *У тебя у самого братишка в пятом*

классе учится; Я бы на твоём месте был бы поскромнее; Я просто ума, просто не приложу...

Быстрое, непосредственное развертывание высказывания приводит к так называемым самоперебивам и контаминации. Например: *У меня тут, понимаешь... в историю впутался..*

Следует отметить, что уровень синтаксического анализа не позволяет обнаружить целый ряд отличительных особенностей русской диалогической речи, поскольку они представляют собой сочетание явлений структурного и лексического порядка.

Как известно, этот вопрос освещен прежде всего в работах Н. Ю. Шведовой, Т. Г. Винокур, а также в статьях, опубликованных в журнале «Русский язык в национальной школе» за 1965 и 1966 гг. по ходу дискуссии о разговорной речи, особенно в статьях В. Костомарова, О. Лаптевой, К. Кожевниковой и О. Кафковой [7, 8, 13, 14].

Некоторые лексико-структурные особенности диалогической речи можно наблюдать и в отдельных репликах, вне диалогической пары. Например, для диалогической речи характерно употребление своеобразных сочетаний из двух глаголов типа: *Пойди помоги девочкам-то; Мы вот тут вот посидим да послушаем*.

В диалогической речи встречается большое количество разных в одних слов, которые придают высказыванию определенные модальные и экспрессивные оттенки, подчеркивают контакт между говорящими или даже употребляются без какой-либо мотивации, например: *Кто-то, наверное, хочет понасть к директору, да?; Приятель квартиру получил, понимаешь, вещи перевезти надо...; Ну ребята, нам же, так сказать, поручили... ответственное дело*.

С точки зрения лексико-структурных особенностей большой интерес представляют конструкции с модальными словами, частицами и междометиями, придающими речи различные модальные и субъективно-модальные значения. Некоторые из структур с частицами и междометиями интересны тем, что отсутствие частицы или междометия либо невозможно, либо соответствует иному модальному значению. Следовательно, частицы и междометия являются основной частью таких структур. Например: *У нас новый вожатый. Во... парены!; Вот вам и общество!; Эх, ты, Вова*, и др.

Оттенок разговорности и даже ласкательности вносит в высказывание предложное сочетание *у меня*: *Да нет, ничего, они у меня уже взрослые*.

Местоимения в дательном тебе или вам могут выражать фамильярное отношение к собеседнику (иногда с оттенком иронии): *Здесь тебе не дурачки сидят*.

Введение инфинитива также повышает экспрессивность разговорной речи: *Ну... что... будем долго в молчанку-то играть? А?; Слушай, кто-то дурака валял, а ты... и т. п.*

Многие структурные и лексико-структурные особенности диалогической речи связаны с построением диалога в целом. Они выходят за рамки отдельного предложения, поскольку диалог представляет собой контекст, сцепление реплик, между которыми имеется смысловая и языковая (интонационная и структурная) связь, и закономерности его построения — это закономерности построения текста.

При рассмотрении этих проблем следует исходить из общепринятого положения, что именно пара реплик, состоящая из реплики-стимула и реплики-реакции, является наиболее естественной и удобной для анализа единицей диалога [6, 8, 9, 11].

Оформление диалогической пары определяется некоторыми закономерностями, которые обусловлены функциями отдельных реплик и отражают прежде всего зависимость реагирующей реплики от стимула.

Сравнительно редки случаи структурной самостоятельности реагирующей реплики: *Ну, что делать-то будем? — Можно Петру Захаровичу дрова попилить.*

Зависимость второй реплики от стимула чаще всего проявляется, как известно, в ее эллиптичности или в построении на лексическом повторе. Это — основные модификации.

Эллиптичность реагирующей реплики можно проиллюстрировать, например, на вопросно-ответном соединении (так называемые краткие ответы на полные вопросы): *Где ты нашел? — В папке.*

Модальные соотношения между репликами могут быть, разумеется, и другими: *Товарищ Руденко будет у вас отрядным вожатым. — Восьмой. Или: Ну-ка, поддержи вот этот провод! — Так?*

Построение реагирующей реплики на лексическом повторении — явление очень частое, и оформленные реплик-повторы чрезвычайно разнообразно. В некоторых случаях оно отражает противопоставление говорящих в лицах: *Мама... пожалуйста не волнуйся. — Не волнуюсь.*

Очень часто здесь использование частиц:

Устинов ... и тебе не стыдно! — А нечего мне стыдиться.

В большинстве случаев такие реплики выражают разные субъективно-модальные оттенки: *Разговорился, наконец! — Ну и разговорился...; Да, но мы же сами раскрыли это. — Сами не сами, там уже разбираться-то не будут.*

Оба вида взаимосвязанности реплик в диалогической речи часто сочетаются: *А у него нет двоек-то. — Нет, так будут.*

Анализ диалогических текстов показывает, что не все сцепления реплик можно разбить по парам. Дело в том, что существуют закономерности построения и более сложных объединений, чем пара реплик.

Для выявления определенных схем построения диалога нужно, с одной стороны, изучить функции реплик и те факторы, которые приводят к данной последовательности реплик, а с другой стороны, те языковые средства, которые используются для этой цели говорящими. Большинство из них можно, разумеется, наблюдать уже в паре реплик.

Основным фактором, приводящим к реакции собеседника, к продолжению диалога можно, по-видимому, считать смысловое содержание реплики-стимула, ее неясность или неполноту и модальность высказывания, вытекающую из функции реплики.

Так, например, неправдивость или невероятность констатирующей реплики вызывает выражение несогласия или протеста собеседника: *Ой, Лидочка, вы прелестно выглядите! — Ой, ну что вы, Нина Александровна, сидишь тут целый день!*

Неясность реплики вызывает переспрос: *...Машина нужна. — Какая машина? — Да грузовичок, поймаешь.*

Разного рода апелляции как выражение модальности, например побуждение, приказ, могут вызывать или внеязыковое действие адресата, или его вопрос о смысле приказа или побуждения, о подробностях его осуществления, или отказ от его выполнения и т. п.: *Ну-ка, поди сюда! — Зачем? — Отдай портфель! — Не отдам!*

Вопрос же требует прежде всего ответа, форма которого зависит от функции вопроса (вопрос развернутый — замкнутый): *Когда сказал педсовет будет? — В восемь; У отца выпросила? — Да нет, это мои деньги.*

Какие же языковые средства используются при модальном оформлении реплики? Это прежде всего интонация, порядок слов, наклонение, выражение утверждения или отрицания, частицы и разные конструкции с устойчивыми элементами.

Так, например, в зависимости от функции реплики частицы и модальные слова выступают в роли самостоятельных реплик (*да, что ты, ладно* и др.) или же придают высказыванию разные субъективно-модальные оттенки: *За что исключить? — Как за что?; А если мы хотим? — Это мало ли что вы хотите.*

В некоторых случаях частицы и модальные слова связывают реплики между собой: *Да ты не бойся, не убьет! — А я и не боюсь; Ну, а звать-то тебя как? — Меня-то? — Ну да, тебя. — Хы... Вова...*

Оформление модальности посредством разных языковых средств можно проиллюстрировать на примере такого сцепления реплик: *Ладно, Вася, можешь, ты пойдешь, а? — Куда? — Ну, как куда, так сказать, к пионерам, вожатым.*

Интонация первой реплики определяет ее как вопрос, что еще подчеркивается применением частицы *а*, побуждающей собеседника к выражению реакции. В то же время неполнота, неясность

этой стимулирующей реплики (глагол движения без определения цели или места) вызывает уясняющий вопрос собеседника (*куда?*). Необоснованность такого вопроса с точки зрения первого говорящего вызывает его реакцию в виде повтора с субъективно-модальным оттенком (*как куда*) и затем ответа на вопрос. Структура двух последних реплик определяется исходной стимулирующей репликой (*ты пойдешь*), причем они, как большинство реагирующих реплик, эллиптичны.

Встречаются и реплики из нескольких предложений, представляющие собой более сложные структуры. Это, например, вопросно-ответная форма

утверждения: *Ключ принес? — Какой ключ? Нет у меня ключа.*

Нередко встречается реплика из двух вопросов: *А кого мне бояться-то? Его, что ль?*

Интересную схему представляет объединение реплик с неполным вопросом, выражающим сопоставление. В этой области также можно выявить функциональную обусловленность употребления реплик.

Дальнейшее исследование закономерностей построения как пар реплик, так и более сложных диалогических схем будет весьма полезным с точки зрения более глубокого анализа структуры русской разговорной речи.

Литература

1. Кафкова О. Вопросы диалога в обучении иностранному языку. «Русский язык за рубежом», 1963, № 1.— 2. Грерл М. К. podstatě a k povaze rodu sílu mezi projevem mluvenými a psanými. Otázky slovanské syntaxe... Praha, 1962, S. 342—345.— 3. Грерл М. О větách tázačích. «Naše řeč», 1965, N. 5, S. 276—291.— 4. Hausenblas K. O studiu syntaxe běžně mluvených projevů. Otázky slovanské syntaxe... Praha, 1962, S. 313—323.— 5. Jelínek M. Postavení hovorového stylu mezi styly funkčními. Slovo a slovesnost, 1966, N. 2, S. 104—118.— 6. Ргокеšová S. Jak se odráží improvizovanost v jazykové výstavbě mluvených projevů. Otázky slovanské syntaxe... Praha, 1962, v. 348—351.— 7. Кожевникова К., Кафкова О. Лингвистическая и педагогическая проблематика разговорного стиля. «Русский язык в национальной школе», 1966, № 2, стр. 18—25.— 8. Лаптева О. О структурных компонентах

разговорной речи. «Русский язык в национальной школе», 1965, № 5, стр. 12—18.— 19. Шведова Н. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.— 10. Samutalová I. Aplikace lingvistického zkoumání dialogu na pácvik konverzace. Ruština v teorii a v praxi, 1966, v. 2, p. 90—99.— 11. Винокур Т. К характеристике понятия «разговорная речь». «Русский язык в национальной школе», 1965, № 2, стр. 20—25.— 12. Винокур Т. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи. В кн.: «Исследования по грамматике русского литературного языка». Сборник статей. М., 1955, стр. 342—355.— 13. Костомаров В. Разговорная речь: определение и роль в преподавании. «Русский язык в национальной школе», 1965, № 1, стр. 10—19.— 14. Костомаров В. К итогам дискуссии о разговорной речи. «Русский язык в национальной школе», 1966, № 6, стр. 12—17.

ОБУЧЕНИЕ СОГЛАСОВАНИЮ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ ЛИЦ, ГОВОРЯЩИХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Харчева

Согласование русских слов — один из трудных вопросов преподавания русского языка англоязычным учащимся, поскольку, как показывают наблюдения, расхождения в правилах согласования слов в русском и английском языках вызывают большое количество ошибок в русской устной и письменной речи.

Не касаясь всех случаев согласования, покажем на конкретном материале, как строить методическую работу при изучении согласования в числе сказуемого с подлежащим.

Работа по привитию навыка согласования в числе сказуемого с подлежащим обычно начинается с рассмотрения случаев, характерных для обоих языков: когда подлежащее выражено существительными, имеющими как единственное, так и множественное число (исключая собирательные существительные), или личными местоимениями.

Модель 1. *Студент читает. Студенты читают.*

Модель 2. *Он (она) пишет. Они пишут.*

Учащиеся знакомятся с категорией числа в русском языке: с единственным и множественным чис-